

НОВЫЯ КНИГИ.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПУТЬ ПЕГИ.

Jérome et Jean Tharaud. — Notre cher Réguy. 2 vol. Paris. Plon. 1926.

Книга братьевъ Таро о Пеге кажется написанной для насъ, русскихъ. До того близокъ намъ, нашему недавнему прошлому, ея герой, кругъ идей, въ которыхъ онъ жилъ, и самое качество его религиозности. Давно уже Сюаресь, рисуя его портретъ, отмѣтилъ это сходство: «un vrai petit homme russe à Tolstoi». Впрочемъ, на толстовца онъ всего менѣе похожъ. Пеге — прирожденный воинъ, труверъ Орлеанской Дѣвы и социалистъ. Онъ напоминаетъ, скорѣе, стараго русскаго революціонера, но на почвѣ классической культуры; народникъ, вышедшій изъ Пушкинскаго лица. — Возможность, никогда не осуществленная у насъ, въ Россіи, гдѣ немислимъ крестьянскій сынъ, воспитанный на Софоклѣ, Корнелѣ и Гюго.

Два слова о самой книгѣ. Написанная его друзьями, товарищами по школѣ и по Cahiers de la Quinzaine, она рисуеъ Пеге среди его современниковъ и учениковъ. Ни одна книга (кромѣ м. б. «Dans la maison» Ролана) не способна лучше ввести иностранца въ міръ французскаго идеализма. Это одно изъ немногихъ оконъ глухого замкнутаго дома. Безъ идеалистическаго возрожденія конца 90-хъ, начала 900-хъ годовъ, непонятна героическая эпопея Франціи и ея современнаго ренессанса. Правда, война провела черту между поколѣніями. Пеге уже чуждъ молодой Франціи, но онъ во многомъ является ея предтечей.

Таро въ совершенствѣ владѣетъ искусствомъ литературнаго портрета. Подъ ихъ легкимъ, чуть-чуть небрежнымъ перомъ, въ немногихъ строкахъ, оживаютъ для насъ фигуры Жореса, Ролана, Сореля, и многихъ скромныхъ дѣятелей, соратни-

ковъ Пеге, уже ушедшихъ изъ міра живыхъ: бенедиктинца Байе, карлика-публициста Лотта и другихъ. Это сочетаніе именъ радикальной и католической Франціи, чаще всего враждебно встрѣчающихся въ наши дни, характерно для круга Пеге, для центральной идеи его жизни. Большинство лицъ, любовно, но съ тонкой ироніей зарисованныхъ въ этой книгѣ, уже покойники, но ихъ могилы еще свѣжи, и это сообщаетъ ей особую грустную прелесть вѣнка, силетеннаго дружеской рукой. Изъ живыхъ отчетливо выступаетъ, хотя умышленно оставляется въ тѣни, фигура Маритэна, связывающаго для насъ поколѣніе Пеге съ католической Франціей.

Помимо индивидуальныхъ портретовъ, прекрасны портреты коллективные, особенно такихъ культурныхъ очаговъ, какъ лицей Сентъ-Барбъ и Нормальной Школы, съ ихъ бодрящей атмосферой юнаго идеализма, борьбы идейныхъ теченій — прежде всего talas и antitalas (на школьномъ жаргонѣ), т. е. католиковъ и антиклерикаловъ. Нужно признать ихъ: одно изъ открытій этой книги, неожиданное для насъ, русскихъ, это впечатлѣніе большой моральной крѣпости и пуританскаго героизма, сохраняющихся еще въ антицерковныхъ кругахъ Франціи. Къ имъ принадлежить семья жены Пеге, многие изъ его друзей среди женщинъ, изъ подписчиковъ Cahiers. Конечно, высокая моральная настроенность не характерна для французскаго радикализма, это удѣлъ избраннаго меньшинства, но меньшинствомъ этимъ еще питается во Франціи свѣтскій идеализмъ (съ которымъ, кстати, недавно познакомилъ насъ и послѣдній портретный романъ Мироду «Bella»).

Весь жизненный путь Пеге кажется predeterminedнымъ отъ рожденія. Потомокъ крестьянъ и дровосѣковъ съ Луары, вырос-

ший въ бѣдномъ Орлеанскомъ предмѣстьи, онъ навсегда сохранилъ вѣрность народу, любовь къ бѣдности и, вмѣстѣ съ дѣтскимъ катехизисомъ, поклоненіе Орлеанской дѣвѣ. Его кровь дѣлала его демократомъ, социалистомъ, сыномъ французской революціи. «Но онъ былъ также и сыномъ крестовыхъ походовъ» (Сюаресь). Слить во-едино пафосъ революціи съ религіей Жанны Д'Аркъ — на это ушла напряженная работа цѣлой жизни, приведшая его на порогъ церкви.

Таро разсказываютъ, что пошатнуло его дѣтскую вѣру въ Лицеѣ. Пеги пересталъ ходить въ капеллу, послѣ того, какъ клерикальная пресса стала на сторону хозяевъ въ одной стачкѣ, въ которой мальчикъ принималъ горячее участіе, конечно, на сторонѣ рабочихъ. Другой мотивъ, приводимый Таро, это невозможность примириться съ адомъ. «Онъ объявилъ себя солидарнымъ съ отверженными на небѣ и на землѣ». Уже католикомъ онъ вкладываетъ эти же сомнѣнія въ уста Жанны: «Il y a tant de souffrances inutiles» (Le mystere de la charite de Jeanne d, Arc)

Въ этомъ весь Пеги съ его радикальнымъ морализмомъ, все своеобразие его христіанскаго пути. Мы хорошо знаемъ путь эстетовъ, черезъ символическое искусство подошедшихъ къ католичеству. Мы помнимъ крушеніе научной вѣры въ 90-хъ годахъ (Брюнетьеръ), опредѣлившее обращеніе многихъ. Мы охотно представляемъ себѣ, особенно на почвѣ Франціи, колесо зротики, съ котораго спасенные чудомъ поднимаются на крестъ. Вмѣстѣ съ Пеги возвращается въ Церковь сама юность, здоровье, мужественный героизмъ. Его путь — путь моральнаго напряженія уясняющаго постепенно свою религіозную природу. Пеги — поэтъ — ненавидитъ эстетику. Въ Нормальной школѣ онъ не хочетъ слушать лекцій пр искусству Р. Роллана. Теоретическія сомнѣнія тоже, по видимому, мало мучаютъ его, хотя Бергсонъ оказалъ ему большую помощь въ освобожденіи отъ позитивизма Сорбонны. Пеги навсегда сохранилъ вѣрность этому ученію и накаунѣ смерти защитилъ его противъ Рима, уже занесшаго его сочиненія въ Индексъ. Не интеллектуалистъ и не эстетикъ, Пеги былъ воплощеніемъ моральной воли.

Его социализмъ былъ очень своеобразный, хотя на школьной скамѣ и дрпировался въ марксистскую ортодоксію. Въ существѣ же это было народничество, вѣра въ народъ, простыхъ людей, любовь къ ихъ

быту, уже уходящему въ прошлое, ненависть къ духу «буржуазности» — скорѣе средневѣковому, чѣмъ современному идеалу жизни. И, прежде всего, высокая моральная оцѣнка бѣдности, не смѣшиваемой съ «вицетой», подлежащей уничтоженію. Политическій социализмъ былъ одной изъ масокъ христіанства Пеги. Впрочемъ, «политика» всегда была браннымъ словомъ въ его устахъ: ей онъ противопоставилъ «мистику», хитрости и дипломатіи — жертвенный порывъ, вѣру, энтузіазмъ. Еще ребенкомъ онъ составилъ планъ своей жизни: образование союза безкорыстныхъ мистиковъ для пересозданія міра. Средствомъ долженъ быть небывалый незапятнанный чистый социалистическій журналъ. И Пеги съ необычайной энергіей осуществляетъ эту цѣль: находитъ вѣрную когорту, друзей, находитъ деньги — самъ будучи нищимъ, — и въ теченіе 15 лѣтъ жизни несетъ тяжкій крестъ своего журнала Cahiers de la Quinzaine, жертвуя для него всѣмъ своимъ временемъ, трудомъ и состояніемъ жены. Журналъ былъ именно таковъ, какимъ хотѣлъ его видѣть Пеги, объединеніемъ идеалистическихъ силъ Франціи. Но для этого пришлось порвать съ политиками, Жорессомъ, съ Сорелемъ и др.

Дрейфусизмъ занялъ въ активности юнаго Пеги, быть можетъ, не меньше мѣсто, чѣмъ социализмъ. Онъ видѣлъ въ этомъ движеніи мобилизацію духа противъ государственнаго интереса — трагическая тема Антигоны, — хотѣлъ спасти Францію отъ смертнаго грѣха. Разочарованіе въ соратникахъ и результатахъ движенія было сильно, — но не въ самомъ движеніи. Его памяти Пеги остался вѣренъ до конца. Осталось и уваженіе къ духу истиннаго Израіля, подготовившее пріятіе Ветхаго Завета.

Когда начался поворотъ къ церкви въ его душѣ? Этому мы не знаемъ. Поэтъ не сдѣлалъ Таро повѣренными своей религіозной жизни, и не могъ сдѣлать. Ихъ отношеніе къ религіи, конечно, ближе всего можетъ быть охарактеризовано, какъ «скептицизмъ, того отгѣнка, что очень часто встрѣчается во Франціи: не исключаящій симпатіи и вниманія, даже тонкой зоркости къ проявленіямъ чужой религіозности. Вѣроятно, для Пеги не прошло даромъ длительное общеніе съ Жанной Д'Аркъ; еще въ Нормальной Школѣ онъ пишетъ огромную поэму ей посвященную, дѣлая ее глашатаемъ революціонныхъ идеаловъ. Первая «Жанна Д'Аркъ» Пеги внесла холодокъ въ его отношенія съ социалистами, но дол-

жна была освободить въ немъ скованную религиозную энергію. Началась невидимая внутренняя работа благодати въ мятежной, но по природѣ христіанской душѣ. Пеги антиклерикаль. Его журналъ объединяетъ евреевъ, протестантовъ и атеистовъ Франціи. Но самъ онъ уже давно получилъ «даръ слезъ». Онъ приходитъ къ Паркжу съ Ave Maria на устахъ, живетъ въ состояніи непрерывнаго молитвеннаго умиленія. Изъ внѣшнихъ вліяній на него въ эту пору мы слышимъ только о Маритэнѣ. Съ ревностью новобращеннаго, Маритэнъ ведетъ съ Пеги долгія философскія и релігиозныя бесѣды, о которыхъ никто, кромѣ его самага, не можетъ рассказать намъ. Именно ему Пеги довѣрился въ рѣшающій моментъ своей жизни. Его другъ, монахъ Байе, молится за него на островѣ Уайтѣ. Маритэнъ сдѣлался посредникомъ между монастыремъ и Пеги. Въ сентябрѣ 1908 г. Пеги, измученный релігиознымъ кризисомъ, могъ сдѣлать признаніе другому старому товарищу: «Я нашель вѣру, я католикъ».

Однако, Пеги такъ и не сдѣлалъ рѣшающаго шага, не переступилъ порога церкви. Ни разу онъ не причастился и былъ у мессы лишь единственный разъ, на войнѣ, за нѣсколько дней до смерти. Его дѣти оставались некрещеными и бракъ нецерковнымъ. «Обращенія», въ классическомъ смыслѣ слова, не произошло. Да Пеги и ненавидѣлъ это слово, звучащее для него какъ измѣна. Все давленіе подчасъ безжалостное — католическихъ друзей, Маритэна, его сестры, бенедиктинцевъ — было напрасно. Пеги пережилъ массу колебаній, мучительной борьбы. Со стороны казалось, что онъ совсѣмъ подошелъ къ послѣдней чертѣ. «О, если бы я могъ причаститься», вырывается у него въ бесѣдѣ съ другомъ, и «глаза его полны слезъ». Въ другой разъ съ Маритэномъ: «А если бы я захотѣлъ публично исповѣдать католическую вѣру и пойти къ мессѣ, когда мнѣ начать?» — «Сейчасъ же... Завтра, въ воскресенье». Это завтра для Пеги никогда не наступило.

Обращеніе Пеги ставитъ передъ всякимъ христіаниномъ большую проблему, имѣющую свои аналогіи и въ русскомъ релігиозномъ возрожденіи: что удержало Пеги отъ церкви? Книга Таро не даетъ исчерпывающаго отвѣта на этотъ вопросъ, но не мало цѣнныхъ матеріаловъ для отвѣта.

Для Пеги — христіанина, какъ и для Пеги-соціалиста, свобода слишкомъ драгоценное благо, чтобы онъ могъ отъ нея отказаться.

Для него благодать восполняетъ свободу, не требуя отреченія отъ нея. Онъ не могъ какъ онъ говорилъ, «подчиниться кюрэ». Онъ не могъ принять «авторитета повелѣвающаго.» Его недоувѣріе къ «кюрэ» шло такъ далеко, что онъ готовъ подзрѣвать ихъ вѣру: «священники не вѣрують или вѣрують такъ мало!» — «Что ты хочешь, говорилъ мнѣ Пеги, Жанна Д'Аркъ создана такъ: она предпочитала св. Михаила аббату Константану... Что поразительно въ ней, такъ это то, что она никогда никого не слушаетъ. Она всегда поступала по своему».

Онъ боится теологін, какъ схемы, не хочетъ вѣрить, что Дѣва Марія — mater doctorum. Въ своемъ мистическомъ бергсоніанствѣ онъ не дѣлаетъ разницы между Сорбонной XX вѣка и Сорбонной XIII-го. «Оставьте меня въ покоѣ, говоритъ онъ Маритэну, съ вашимъ св. Өомой. Онъ вродѣ Бутру! Я отдалъ бы всю его Summa за Ave Maria и Salve Regina... «Это мертвая мысль, затвердѣніе артерій, склерозъ католицизма».

Хотя Пеги и убѣжденъ, что остался вѣренъ дѣтскому катехезису («Въ Орлеанскомъ катехезисѣ» ничего не говорилось объ Индексѣ) но онъ долженъ былъ сдѣлать въ немъ для себя значительныя сокращенія. Его релігиозность не была одностороннимъ спиритуализмомъ. Онъ дорожилъ полнотой католической набожности. Онъ имѣлъ особую любовь къ святымъ, чувствуетъ личную связь не только съ Жанной Д'Аркъ, но и со св. Женевьевой, св. Аніаномъ, св. Людовикомъ. Прежде всего, конечно, съ Дѣвой Маріей. Когда его сынъ при смерти, онъ гѣшкомъ паломничаетъ къ Шартрскому храму, дорогому для Пеги памятью о родинѣ, не затѣмъ, чтобы вымолить жизнь ребенка, но чтобы поручить своихъ дѣтей Богоматери, отдать ихъ въ Ея руки. Ребенокъ выздоровѣлъ. «Ну, разумѣется», говорилъ Пеги. Однако, онъ и не подумалъ крестить его. Эта мысль пришла въ голову невѣрующей матери. ««Крестить моихъ дѣтей, говорилъ онъ, — это меня не касается. Я поручилъ ихъ Дѣвѣ, пусть Она сдѣлаетъ съ ними то, что пожелаетъ». Это довѣріе не обмануло Пеги. Ужъ послѣ смерти отца, сыновья, по собственной волѣ, приняли крещеніе. Есть что-то непонятное до конца въ этомъ отталкиваніи Пеги отъ культа. Онъ, противоположавшій святымъ «докторамъ», долженъ былъ выслушать отъ Маритэна: «Святые, мой милый Пеги, по крайней мѣрѣ, ходили къ обѣднѣ!» — О, говорилъ Пеги, не участ-

вуй въ таинствахъ, быть частью стада? — я бы не могъ. Мнѣ кажется, я лишился бы чувствъ». Въ этихъ словахъ, какъ и въ приведенныхъ выше, слышится голодъ по Евхаристіи. Пеги заглушаетъ его сомнѣніями: «Священники, которые держатъ въ своихъ рукахъ совершеніе таинствъ, склонны преувеличивать ихъ значеніе за счетъ молитвы».

Въ сущности, что его пугаетъ въ церкви, это состояніе успокоенности, чувство твердой почвы, для него противоположное состоянію благодати. На это у него есть своя теорія. «Хуже всего, это не злая, не извращенная душа, а душа готовая окостенѣть въ привычкѣ. На душу въ состояніи привычки благодать не дѣйствуетъ. Она скользитъ по ей, какъ вода по маслянистой ткани». «Католики несносны въ своей мистической успокоенности. Они изображаютъ, что собственное состояніе христіанина это миръ, миръ черезъ посредство разсудка, миръ въ разсудкѣ. Сущность мистики, напротивъ, непобѣдимое безпокойство». Онъ боится таинствъ, какъ внѣшней гарантіи спасенія. «Не нужно принимать слишкомъ много предосторожностей передъ Богомъ». Онъ хочетъ вѣрить только благодати и жить молитвой. Вотъ что онъ думаетъ о благодати. «Безблагодатны тѣ, кто не знаетъ риска: ранты, чиновники, монахи. Могутъ быть облагодатствованы лишь тѣ, чья жизнь ненадежна: игроки, авантюристы, бѣдные и отверженные, промышленники, торговцы, женатые люди, отцы семействъ, эти великіе авантюристы нашего времени». Благодать внѣконфессиональна. «Я знаю евреевъ, обладающихъ поразительными дарами благодати, и католиковъ, совершенно лишенныхъ ихъ». Есть благодатственные народы — французскій, города — Парижъ. Богъ любить Францію за ея любовь къ свободѣ, за самое ея непослушаніе, потому что благодать и свобода неотдѣлимы.» Пеги говоритъ Режю: «Ты можешь быть спокоенъ. Сынъ коммунара, родился въ Парижѣ, въ тѣни башенъ Notre-Dame, твое спасеніе обезпечено».

За этими парадоксами ясна основная идея его религіи: религія благодати, отчасти отзывающаяся янсенизмомъ, но желающей быть національной, свѣтской, свободной. Самъ Пеги живетъ съ ощущеніемъ благодатныхъ даровъ — «les graces». Сильнѣе всего они выражаются въ силѣ молит-

вы и реальномъ общеніи съ міромъ Божественнымъ.

Мы ошиблись, если бы, на основаніи приведенныхъ цитатъ, признали Пеги религиознымъ анархистомъ и упростили бы его, Дѣйствительно, сложный «случай». Пеги остается до конца исполненнымъ противорѣчій. Онъ вовсе не индивидуалистъ, онъ вѣритъ въ «мораль банды», уважаетъ національное, классовое и родовое сознаніе. Отказываясь подчиниться авторитету церкви, онъ необыкновенно авторитетенъ по отношенію къ своимъ ученикамъ, И, что гораздо болѣе удивительно, онъ любитъ и самъ подчиниться авторитету, правилу, режиму. Онъ сохранилъ на всю жизнь благодатную память о военной службѣ, оставался всегда убѣжденнымъ «милитаристомъ» и даже въ походкѣ, въ мелочахъ жизни носилъ слѣды казарменныхъ привычекъ. Онъ чувствовалъ себя призваннымъ къ социальной дѣятельности, къ социальной организаціи. Онъ былъ способенъ на величайшія личныя жертвы и требовалъ этихъ жертвъ у другихъ. Все это дѣлаетъ его предтечей авторитетной молодой Франціи, и его смерть на полѣ битвы, столь долгожданной, не бессмысленное, а единственное, разумное, героическое завершеніе его жизни.

Но поэтъ всю жизнь боролся въ немъ съ социалистомъ, а поэтъ-Пеги не желалъ возложить на себя никакой дисциплины. Его творчество было бурнымъ, стихійнымъ самораскрытіемъ, «мутной рѣкой, несущей золотой песокъ» (Сегюръ). Къ религіи Пеги подошелъ, какъ поэтъ, а не какъ социальный революціонеръ. При всѣхъ глубокихъ корняхъ ея, она осталась для него «личнымъ дѣломъ», хотя онъ и избралъ для политическаго выраженія ея, національную героиню Франціи.

Есть глубокая связь между общественной активностью и потребностью въ догматѣ. Вся ортодоксальность современной французской молодежи покоится на ея активизмѣ. Активизмъ Пеги еще не до конца переродился религиозно, или, что одно и то же, религиозность его не созрѣла до общественнаго подвига. Между двумя половинами его души трещина зѣла до конца. Онъ не перешелъ рубежа поколѣній, а остался на томъ берегу, съ Бергсономъ противъ Омы Аквинскаго.

Г. Федотовъ.